



УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ ПО УК СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Евгений БУНИН,

соискатель кафедры уголовного права № 1
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

Summary

This article is devoted to the research of criminal law provisions of post-Soviet countries, governing criminal responsibility for the intervention in the administration of justice. Set as common approaches in the regulation of responsibility for the offense (for example, legislators are united in using the term «form» instead of the term intervention «method» of its implementation), and features of the formulation of elements (their signs) of the crime and imposition of penalty for its commission (lack of unity of the terminology used in the title of this crime and the description of the act as a sign of its objective side).

Key words: intervention in the administration of justice, obstruction, form and method, purpose, punishment.

Аннотация

Статья посвящена изучению положений уголовного законодательства стран постсоветского пространства, регламентирующих уголовную ответственность за вмешательство в осуществление правосудия. Установлены как общие подходы в регламентации ответственности за данное преступление (например, законодатели едины в использовании термина «форма» вмешательства вместо термина «способ» его осуществления), так и особенности формулировки элементов (их признаков) состава данного преступления и установления наказания за его совершение (отсутствие единства терминологии, используемой в названии состава данного преступления и при описании деяния как признака его объективной стороны).

Ключевые слова: вмешательство в осуществление правосудия, воспрепятствование, форма и способ, цель, наказание.

Постановка проблемы. Отсутствие единства терминологии в регламентации данного состава преступления, как при закреплении его названия, так и при описании деяния, как обязательного признака его объективной стороны, негативно сказывается на правоприменении уголовно-правовых норм.

Актуальность темы исследования обусловлена различным пониманием терминологии как в уголовно-правовой доктрине, так и в следственно-судебной практике. Изучение зарубежного уголовного законодательства, условий и практики его применения может помочь создать в украинском уголовном законе нормы, наиболее полно отвечающие современным потребностям борьбы с преступностью, в том числе и со вмешательством в деятельность судебных органов.

Состояние исследования. Проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия привлекали внимание многих ученых, в частности Т. К. Агузарова, С. Э. Асликяна, А. Ф. Бернера, С. В. Боролина, И. А. Бушуева, И. С. Власова, М. А. Гараниной, П. Ф. Гришанина, Б. В. Здравомыслова, П. С. Елизарова, Г. К. Кострова, В. Н. Кудрявцева, Р. А. Левертовой, Л. В. Лобановой, С. Х. Мазукова, В. П. Малкова,

В. В. Мальцева, П. С. Матышевского, И. Л. Петрухина, Э. Ф. Побегайло, С. В. Познышева, Ш. С. Рашковской, Я. Г. Северского, А. И. Скакуна, И. М. Тяжковой, А. И. Чучаева и др.

Целью и задачей статьи является установление как общих подходов в регламентации ответственности за вмешательство в осуществление правосудия, так и особенностей ее закрепления для дальнейшего усовершенствования положений УК и практики его применения.

Изложение основного материала. Модельный уголовный кодекс стран СНГ от 17 февраля 1996 г. (далее – Модельный УК), который был принят на основании ст. 8 Соглашения о Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ от 27 марта 1992 г., предоставляющей ей право разработки модельных законодательных актов [1, с. 32–34], в ст. 324 («Вмешательство в разрешение судебных дел и производство предварительного расследования») предусматривает ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда с целью оказать воздействие на осуществление правосудия (ч. 1); за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, с целью воспрепятствования всесторон-

нему, полному и объективному расследованию дела (ч. 2); а также за указанные действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3) [2].

Целый ряд государств, расположенных на постсоветском пространстве, восприняли рекомендации ст. 324 Модельного УК о включении в национальное уголовное законодательство нормы, предусматривающей ответственность за вмешательство в осуществление правосудия и предварительного расследования. Однако ни одна из этих норм не сформулирована в том виде, в каком она нашла свое отражение в Модельном УК.

1. Следует отметить, что в УК ряда государств при регламентации ответственности за вмешательство в деятельность судебных органов (воспрепятствование осуществлению правосудия) используется единая терминология как при закреплении названия данного состава преступления, так и при описании деяния, как обязательного признака его объективной стороны. Например, в УК Украины (ст. 376) [3], УК Республики Молдова (ст. 303) [4], УК Республики Беларусь (ст. 390) [5], УК Республики Узбекистан (ст. 236) [6] используется единый термин «вмешательство», в УК Литовской Республики – соответственно «вос-



препятствование» и «препятствие» (ст. 231) [7]. Такой подход был предложен в Модельном УК, что, на наш взгляд, делает норму более простой в толковании и правоприменении.

В уголовном законодательстве отдельных стран наблюдается несоответствие терминов, употребляемых в названии статьи и в ее диспозиции при описании деяния как признака объективной стороны состава преступления. Так, в УК Латвийской Республики предусмотрена уголовная ответственность за вмешательство в рассмотрение дел в суде, а деяние описано как любое воздействие (ст. 295) [8]. В УК Грузии предусмотрена уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия или производству предварительного расследования, а деяние описано как незаконное вмешательство (ст. 364) [9]. В УК Российской Федерации (далее – УК РФ) (ст. 294) [10], УК Республики Армения (ст. 332) [11], УК Республики Таджикистан (ст. 335) [12], УК Азербайджанской Республики (ст. 286) [13], УК Республики Туркменистана (ст. 189) [14], УК Республики Казахстан (ст. 339) [15], УК Кыргызской Республики (ст. 317), соответственно, употребляются такие термины как «воспрепятствование» и «вмешательство» [16]. Данный подход порождает дискуссии в научной литературе и следственно-судебной практике о соотношении указанных терминов, что вызывает отсутствие единства в правоприменении таких норм.

Абсолютно иную позицию занял эстонский законодатель, предусмотрев уголовную ответственность за насилие в отношении судьи, судебного заседателя, судебного исполнителя, адвоката, прокурора или следователя, а равно их близких, или угрозу в отношении этих лиц, а деяния описав как угрозу (ч. 1 ст. 172–1 УК) или применение насилия (ч. 2 ст. 172–1 УК Эстонской Республики) [17].

2. Традиционно дискуссионным, как в науке уголовного права, так и в практике применения, УК остается вопрос о способах (формах) вмешательства (воспрепятствования) в деятельность судебных органов (осуществление правосудия). Так, в УК Грузии указано, что вмешательство осуществляется «в той или иной форме» (ст. 364). В соответствии с УК Республики Узбекистан (ст. 236) незаконное

воздействие осуществляется в любой форме. Согласно УК Украины (ст. 376), УК Республики Молдова (ст. 303), УК РФ (ст. 294), УК Литовской Республики (ст. 231), УК Республики Армения (ст. 332), УК Республики Беларусь (ст. 390), УК Республики Таджикистан (ст. 335), УК Азербайджанской Республики (ст. 286), УК Республики Туркменистана (ст. 189), в УК Республики Казахстан (ст. 339), УК Кыргызской Республики (ст. 317) вмешательство (воспрепятствование) осуществляется «в какой бы то ни было форме». В УК Латвийской Республики (ст. 295) и в УК Эстонской Республики (ст. 172–1) в диспозиции статьи речь не идет о способах (формах) вмешательства в деятельность суда.

Несмотря на единство позиции законодателей различных государств, следует отметить, что в научной литературе традиционно обсуждаемым остается вопрос о возможности вмешательства в осуществление правосудия при применении отдельных способов, например, таких как просьба, подкуп, уговоры, требование и др. Единства мнений по этому вопросу пока не достигнуто.

Для сравнения хотелось бы отметить, что в уголовном законодательстве ряда государств, так называемого дальнего зарубежья, ответственность за вмешательство в деятельность судебных органов предусмотрена лишь при наличии противоправных способов воздействий на лиц, осуществляющих правосудие. Например, в соответствии со ст. 434–8 УК Франции преступными признаются «любая угроза или какой-либо иной акт запугивания, совершенные в отношении какого-либо магистрата, присяжного заседателя или какого-либо иного лица, которое заседает в судебном органе ... с целью воздействия на их поведение при осуществлении ими своих функций» [18]. В соответствии с УК Республики Польша, уголовно-наказуемыми являются деяния лица, который насилием или противозаконной угрозой оказывает влияние на официальную деятельность лица (ст. 232) [19]. Согласно ст. 178 УК Голландии уголовно-наказуемым влиянием на решение судебного дела является предоставление или обещание дара судье [20]. Гл. 73 разд. 18 Свода законов США предусматривает уго-

ловную ответственность за три самостоятельных состава вмешательства в осуществление правосудия, при регламентации которых четко закреплены способы такого вмешательства, а именно: подкуп, угроза, применение силы, обман, запугивание, пикетирование и манифестация [21, с. 52–53].

Кроме того, следует отметить, что, на наш взгляд, использование термина «форма» вмешательства не совсем оправдано с юридической точки зрения, поскольку речь идет именно о способе осуществления вмешательства, как признаке объективной стороны данного состава преступления. Термин «форма» законодатель использует для обозначения форм деяния – действия (активная форма) и бездействия (пассивная форма). Для обозначения же совокупности приемов и методов, которые используются в случае совершения преступления, в науке уголовного права и законодательстве применяется термин «способ совершения преступления». В связи со сказанным считаем, что более правильно формы вмешательства именовать способами вмешательства (воздействия).

3. Следует отметить и разнообразие подходов, используемых законодателями различных стран при установлении уголовной ответственности за вмешательство (воспрепятствование) в деятельность различных органов государственной власти.

Так, в зависимости от того, каким общественным отношениям (в сфере осуществления правосудия или в сфере производства предварительного расследования) причиняется вред, в УК Кыргызской Республики предусмотрена ответственность за эти преступления в различных статьях (ст. 317 и 318).

В УК Украины уголовная ответственность за вмешательство в деятельность судебных органов (ст. 376), вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа, работника государственной исполнительной службы (ст. 343) предусмотрена не только в разных статьях кодекса, но даже и в разных его разделах, что свидетельствует о различии объектов уголовно-правового посягательства – соответственно, преступления против правосудия (разд. XVIII Особенной ч. УК) и преступления против авторитета органов государственной власти,



органов местного самоуправления и объединений граждан (разд. XV Особенной ч. УК).

В УК Республики Узбекистан ответственность за вмешательство в расследование или разрешение судебных дел регламентирована в одной части ст. 236. Литовский законодатель установил уголовную ответственность за препятствие судье, прокурору, должностному лицу предварительного расследования, адвокату либо должностному лицу Международного уголовного суда или судебному приставу также в одной части статьи (ч. 1 ст. 231). Подобный подход используется в УК Республики Беларусь (ст. 390) и УК Эстонской Республики (ст. 172-1). Тем самым, можно отметить, что законодатели указанных стран одинаково оценивают степень общественной опасности данных деяний.

В УК Республики Молдова (ч. 1 и 2 ст. 303), в УК РФ (ч. 1 и 2 ст. 294), в УК Азербайджанской Республики (ч. 1 и 2 ст. 286), в УК Республики Таджикистан (ч. 1 и 2 ст. 345), в УК Республики Армения (ч. 1 и 2 ст. 332), в УК Грузии (ч. 1 и 2 ст. 364) уголовная ответственность за вмешательство в деятельность суда и в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание предусмотрена в одной статье, но в разных ее частях.

4. Следует отметить, что в уголовном законодательстве большинства стран субъект анализируемого состава преступления является общим – физическое, вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. В то же время в УК некоторых государств есть особенности, характеризующие субъекта воспрепятствования осуществлению правосудия или производству предварительного расследования. Например, в УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за вмешательство в осуществление правосудия лишь в том случае, если оно совершено лицом с использованием своего служебного положения (ст. 390).

5. Анализ уголовного законодательства указанных стран приводит к выводу, что одним из обязательных признаков субъективной стороны состава преступления, который анализируется, является цель вмешательства (воспрепятствования). Так, в УК Республики

Молдова (ч. 1 ст. 303), в УК Латвийской Республики (ч. 1 ст. 295), в УК Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 236) достаточно четко описаны цели вмешательства – воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению дела или добиться вынесения неправоудного судебного решения. В ч. 1 ст. 364 УК Грузии специальная цель вмешательства определяется как воздействие на осуществление правосудия. При этом в диспозиции ч. 1 и 2 данной статьи указывается, что вмешательство должно быть незаконным.

В УК Эстонской Республики установлена уголовная ответственность за насилие в отношении судьи, судебного заседателя, судебного исполнителя, адвоката, прокурора или следователя, а равно их близких, или угроза в отношении этих лиц, если такое деяние совершается в целях воспрепятствования осуществлению правосудия или из мести к этим лицам за выполнение ими своих обязанностей.

В ч. 1 ст. 376 УК Украины в качестве целей вмешательства в деятельность судьи называется не только цель добиться вынесения неправоудного решения, но и цель помешать исполнению судьей служебных обязанностей. Представляется, что подобная формулировка не вполне удачна, поскольку служебные обязанности судьи могут быть в определенных ситуациях не связаны с осуществлением правосудия (например, деятельностью председателя суда по распоряжению финансовыми или материальными ресурсами суда), и в этих случаях вмешательство в служебные обязанности судьи будет направлено не против правосудия, а против порядка управления.

Ранее защите правосудия от вмешательства была посвящена ст. 176 УК Украинской ССР. В данной норме предусматривалась ответственность за воздействие на судей с двумя альтернативными целями: воспрепятствовать всестороннему, полному и объективному рассмотрению какого-либо дела либо добиться вынесения незаконного судебного решения. В период действия этого уголовного закона было принято постановление Пленума Верховного Суда Украины от 12 апреля 1996 г. № 4 «О применении законодательства, обеспечивающего независимость судей». В преамбуле постановления

констатировалось, что вмешательство в деятельность судов наиболее распространено со стороны органов исполнительной власти, которые стремятся контролировать эту деятельность, а также со стороны представителей исполнительной власти, пытающихся вмешиваться в решение конкретных судебных дел и назначение наказаний. Здесь же справедливо указывалось, что под вмешательством в деятельность по осуществлению правосудия следует понимать какое-либо воздействие на судью (указание, требование, критику судьи в средствах массовой информации до решения по делу) со стороны любого лица с целью склонить его к совершению определенных процессуальных действий или постановлению желательного судебного решения. При этом не имеет значения, каким способом (обещание различных выгод, угрозы и т.п.), в какой стадии процесса и в деятельность суда какой инстанции осуществляется вмешательство (п. 4).

В УК РФ (ст. 294), в УК Азербайджанской Республики (ст. 286), в УК Республики Таджикистан (ст. 345), в УК Республики Армения (ст. 332) в качестве целей совершения вмешательства предусмотрены воспрепятствование осуществлению правосудия и всестороннему, полному и объективному расследованию дела (дознанию и предварительному следствию).

Согласно ч. 1 ст. 231 УК Литовской Республики целью исследуемого преступления является препятствие исполнению должности, связанной с расследованием и рассмотрением уголовного, гражданского либо административного дела или исполнению решения суда.

В УК Республики Беларусь уголовная ответственность за вмешательство устанавливается только в случае совершения его с целью воспрепятствованию всестороннему, полному и объективному рассмотрению или расследованию дела либо с целью добиться вынесения незаконного судебного приговора, решения, иного судебного акта или незаконного постановления органа уголовного преследования при производстве по уголовному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 317 УК Кыргызской Республики целью данного преступного деяния является воспрепятствование осуществлению правосудия.



Таким образом, несмотря на различность формулировок, используемых при описании цели вмешательства в деятельность судебных и правоохранительных органов, законодатели различных государств едины во мнении, что целью является воспрепятствование осуществлению правосудия.

6. В качестве квалифицирующего признака в УК Республики Молдова (ч. 3 ст. 303), УК РФ (ч. 3 ст. 294), УК Республики Армения (ч. 3 ст. 332), УК Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 345), УК Азербайджанской Республики (ч. 3 ст. 286), УК Грузии (ч. 3 ст. 364), УК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 317) предусмотрено использование служебного положения (ч. 3 ст. 303). В УК Республики Узбекистан квалифицирующим признаком подобного преступления признано вмешательство должностного лица (ч. 2 ст. 236). Латвийский законодатель еще более сужает объем такого квалифицирующего признака, установив ответственность за вмешательство, осуществленное государственным должностным лицом (ч. 2 ст. 295).

Уголовный кодекс Литовской Республики в качестве квалифицирующих признаков предусматривает применение насилия либо иного принуждения (ч. 2 ст. 231).

В УК Республики Казахстан и в УК Республики Беларусь ответственность за квалифицированный вид воспрепятствования осуществлению правосудия и предварительного расследования не установлена.

В отличие от других стран СНГ, ныне действующий УК Украины в качестве квалифицирующих признаков данного состава преступления помимо вмешательства с использованием служебного положения предусматривает и наступление последствий в тех случаях, когда вмешательство помешало предотвратить преступление или задержать лицо, его совершившее (ч. 2 ст. 376).

7. В вопросе установления наказания за совершение данного преступления законодатели указанных стран восприняли рекомендации Модельного УК и отнесли основной состав (без смягчающих и без отягчающих признаков) воспрепятствования осуществлению правосудия или предварительного расследования к преступлениям неболь-

шой тяжести, а квалифицированный состав (с отягчающими признаками) – к преступлениям средней тяжести.

Так, за совершение общественно опасного деяния, содержащего признаки основного состава вмешательства в деятельность судебных органов (воспрепятствованию осуществлению правосудия) предусмотрено максимальное (наиболее строгое) основное наказание: в УК РФ (ч. 1 ст. 294) и УК Грузии (ч. 1 ст. 364), в УК Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 286) – лишение свободы на срок до двух лет. Дополнительное наказание за данное деяние в указанных кодексах не предусмотрено.

По УК Кыргызской Республики (ч. 2 ст. 317 и ч. 2 ст. 318), УК Республики Таджикистан (ч. 3 ст. 345), УК Республики Беларусь (ст. 390) максимальным наказанием за подобное деяние является лишение свободы на срок до 5 лет. В УК Литовской Республики предусмотрено максимальное наказание за основной состав данного преступления в виде лишения свободы на срок до двух лет, а за квалифицированный вид воспрепятствования – лишение свободы на срок до четырех лет.

В УК Республики Молдова максимальным наказанием за квалифицированный состав данного преступления является лишение свободы на срок от 2 до 5 лет.

Выводы. Анализ норм, предусматривающих уголовную ответственность за вмешательство в осуществление правосудия, закрепленных в УК государств, расположенных на постсоветском пространстве, свидетельствует о наличии как общих подходов, так и особенностей, связанных с регламентацией составов данного преступления и установления наказания за его совершение. Результаты исследования могут быть положены в основу усовершенствования положений уголовного законодательства и практики его применения.

Список использованной литературы:

1. Соглашение о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств: Международный договор от 27 марта 1992 г. // Михалева Н. А. Практикум по конститу-

ционному праву стран содружества независимых государств / Н. А. Михалева. – М.: Юрид. лит., 1998. – 750 с.

2. Модельный Уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств: Постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.icrc.org/rus/assets/files/other/crim.pdf>. – Загл. с экрана.

3. Кримінальний кодекс України (із змінами та доповненнями станом на 5 лютого 2014 року). – Х.: Одиссей, 2014. – 240 с.

4. Уголовный кодекс Республики Молдова / вступ. статья А. И. Лукашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 408 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Науч. ред. и предисл. Б. В. Волженкина. Обзор. статья А. В. Баркова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 474 с.

6. Уголовный кодекс Республики Узбекистан / Науч. ред. и предисл. М. Х. Рустамбаева, А. С. Якубова и З. Х. Гулямова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 338 с.

7. Уголовный кодекс Литовской республики / Науч. ред. В. Й. Павилониса. Предисл. Я. И. Мацнева. Вступ. статья В. Павилониса, А. Абрамавичюса, А. Дракшене. Пер. с лит. В. Я. Казанскене. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 470 с.

8. Уголовный закон Латвийской республики / Науч. ред. и вступ. статья А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой; перевод с латышского А. И. Лукашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 313 с.

9. Уголовный кодекс Грузии / Науч. ред. З. К. Бигвава. Вступ. статья В. И. Михайлова. Обзор. статья О. Гамкрелидзе. Пер. с груз. И. Мериджаиашвили. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 350 с.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.; по состоянию на 1 мая 2012 г.]. – М.: ЭКСМО, 2012. – 176 с.

11. Уголовный кодекс Республики Армения / науч. ред. Е. Р. Азарян, Н. И. Мацнев; пер. с арм. Р. З. Авакян. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2004. – 450 с.

12. Уголовный кодекс Таджикистана / Науч. ред. и предисловие



А. В. Федорова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 350 с.

13. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / Науч. ред. и предисл. И. М. Рагимова. Перевод с азерб. Б. Э. Аббасова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 325 с.

14. Уголовный кодекс Туркменистана/ответственные за выпуск: Я. Кичиева, Н. Смирнова. – Ашхабат: Изд-во «Туркменистан», 1997. – 352 с.

15. Уголовный кодекс Республики Казахстан / Науч. ред. и предисл. И. И. Рогова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 466 с.

16. Уголовный кодекс Кыргызской республики / Науч. ред. и предисл. А. Я. Стуканова, П. Ю. Константинова. Текст офиц. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 352 с.

17. Уголовный кодекс Эстонской республики / Науч. ред. и перевод с эст. В. В. Запелова. Предисловие Я. И. Мацнева. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 262 с.

18. Новый уголовный кодекс Франции. – М.: Изд-во «Юридический колледж МГУ», 1993. – 212 с.

19. Уголовный кодекс Республики Польша / Науч. ред. и предисловие Н. Ф. Кузнецовой, А. И. Лукашова и Э. А. Саркисовой. Пер. с польск. Д. А. Барилевич. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 234 с.

20. Уголовный кодекс Голландии / Науч. ред. и предисл. Б. В. Волженкина. Пер. с англ. Й. В. Мироновой. 2-е изд. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 510 с.

21. Уголовное право США: Сборник нормативных актов / Сост., отв. ред. и автор вступ. статьи И. Д. Козочкин. – М.: Изд-во УДН, 1985. – 160 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПЕРЕВОЗКУ ПАССАЖИРОВ ЧЕРЕЗ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ГРАНИЦУ УКРАИНЫ БЕЗ НЕОБХОДИМЫХ ДОКУМЕНТОВ

Юрий ВАСИЛИК,

соискатель кафедры административного права и процесса
Национальной академии внутренних дел

Summary

The article examines the application of sanctions to the international carrier for the carriage of passengers across the state border of Ukraine without the necessary documents. The author raises the question of the importance of timing and the order of execution of the decisions of the administrative liability for violation of the rules of international passenger carrier, offers some aspects of improving the performance of the notification of the decision. The extension of sanctions to carriers by introducing revocation of license to exercise traffic due to the need to improve domestic administrative law, including by means of borrowing foreign experience in this area.

Key words: administrative responsibility, state border, sanctions, carrier, fine, revocation of license.

Аннотация

В статье исследованы вопросы применения санкций к международному перевозчику за перевозку пассажиров через государственную границу Украины без необходимых документов. Автор поднимает вопрос важности сроков и порядка исполнения решений о привлечении к административной ответственности за нарушение правил международных пассажирских перевозок перевозчиком, предлагает некоторые аспекты усовершенствования процедуры уведомления об исполнении указанных решений. Предложено расширение санкций к перевозчикам посредством введения аннулирования лицензии на осуществление перевозок в связи с необходимостью усовершенствования отечественного административного законодательства, в том числе в результате заимствования зарубежного опыта в указанной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, государственная граница, санкции, перевозчик, штраф, аннулирование лицензии.

Постановка проблемы. Исполнение постановлений о наложении административных взысканий составляет часть административного процесса и, в частности, той его формы, которая связана с производством по делам об административных правонарушениях. В современных условиях проблемы определения теоретических основ, надлежащего нормативно-правового регулирования условий и порядка реализации законов и подзаконных актов приобретают особую остроту и практической значимости. Общеизвестны многочисленные нарушения относительно того, что во многих законах не предусмотрен или недостаточно четко «прописан» порядок и механизм реализации правовых норм. Сегодня, как никогда, в области правового регулирования социальных связей очень актуален вопрос осуществления тех или иных правоотношений, поэтому в правотворчестве первоочередное

внимание должно быть уделено проблемам формирования процессуального механизма реализации норм материального права.

Особую **актуальность** этот вопрос приобретает с выполнением решений о привлечении к административной ответственности за нарушение правил международных пассажирских перевозок перевозчиком, поскольку довольно часто в этом случае перевозчиком выступает нерезидент, что затрудняет вопрос привлечения его к ответственности, а также взыскания соответствующих средств.

Состояние исследования. Отдельные вопросы административно-правового регулирования правоотношений в сфере пассажирских перевозок рассматривались в научных трудах И.В. Булгаковой, В.К. Гижевского, Е.Ф. Демского, М.В. Ковалива, В.И. Куделя, А.В. Милашевича, В.И. Развадовского, А.Е. Шевченко, О.О. Юхна и других ведущих